

А. Б. Бушев

Тверь, Россия

РЕФЛЕКСЫ ХРИСТИАНСТВА В ЯЗЫКЕ И МЕНТАЛИТЕТЕ

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья ставит своей целью демонстрацию отсветов христианства в искусстве и культуре в условиях двадцать первого века. Представлены как вербальные, так и невербальные произведения культуры, что актуально для развития семиотической и герменевтической деятельности учащихся. Эти проблемы увязываются с тенденциями этического и эстетического воспитания в наше время.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепты; менталитет; христианство; литература; культура; педагогика.

Сведения об авторе: Бушев Александр Борисович, доктор филологических наук, Тверской государственный университет, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью.

Адрес: 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.

A. B. Bouchev

Tver, Russia

THE REFLEXES OF CHRISTIANITY IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE AND MENTALITY

ABSTRACT. The article demonstrates the reflection of the Christianity in arts and culture of contemporary epoch. Both verbal and non-verbal texts are analyzed, which is important for the development of semiotic and hermeneutic capacity of the students. These problems are linked with the ethic and aesthetic tendencies in modern educational system.

KEY WORDS: concepts; mentality; Christianity; literature; culture; education.

About the author: Alexandre B. Bouchev, Doctor of Philology, Tver State University, Professor of Department Journalism, PR and Advertising.

Целью настоящей статьи является демонстрация христианских концептов и смыслов на материале разножанровых произведений, что имеет достаточную актуальность для современного образования школьного уровня в условиях религиозного Ренессанса. Методом трактовки текстового и нетекстового материала выступает герменевтический метод.

1. Как показывают все статистические опросы, за последнее время растет количество людей, идентифицирующих себя как верующие, расширяется обрядность, религиозное паломничество, конфессиональная проблематика с большими трудностями и первыми неудачами пришла в круг предметов школьного цикла. Необязательно смотреть на клерикальность как нечто отсталое, иррациональное, выражающее подавленность социума. Для развивающейся личности можно смотреть на религиозный компонент воспитания как эстетически и этически весьма значимый компонент, фундированный тысячелетней традицией. Чего стоит опыт русской религиозной философии, который – хотим мы этого или нет – вновь приходит в общество с христианскими истинами, преданием и Писанием.

В сфере печати для последних двадцати лет показательно как издание специализированных изданий, посвященных церковной жизни и религии, так и статей, связанных с конфессиональной тематикой, в светских СМИ. Возник целый пласт газет для неофитов. Все это позволяет судить о возвращении целого пласта концептов культуры – православной и христианской в широком смысле слова – в общественный быт и сознание.

Динамика русской лексики XXI века такова: возвращается прочно забытое, казалось бы, вытесненное из живого русского языка. Это связано с возрождением многих социальных сфер. Показательно возвращение церковной лексики [1].

Тексты Библии воспринимаются в образовании как кладезь поздней античности, основание европейской культуры, а библеизмы в современном языке – как особый рефлекс в языке и особый стилистический прием воздействующей речи: *венец премудрости; вкушать от древа познания добра и зла; влачить брненное существование; возвращается ветер на круги своя; всякое даяние благо; глас вопиющего в пустыне; да минует меня чаша сия; земля обетованная; золотой телец; ищите и обряцете; камень преткновеня; не сотвори себе кумира; не хлебом единым жив человек; отделить зерна от плевел; хлеб наш насущный; хранить как зеницу ока; чти отца твоего и мать твою; краеугольный камень; злачное место; корень зла; кто не работает, тот не ест; злоба дня; соль земли; блудный сын; заблудшая овца; нести крест; соломоново решение; терновый венец; время жить и время умирать; кинуть камень; сучок в глазу другого; что есть истина; бесплодная смоковница; скрижали; суета сует; иудин поцелуй; тридцать сребренников; выпить чашу до дна; страшный суд; геенна огненная; Содом и Гоморра; манна небесная; зарыть талант в землю; Вавилонское столпотворение; камня на камне не оставить; альфа и омега; вложить персты в язвы; знамение времени; построить дом на песке; жнет, где не сеял; не мечите бисер перед свиньями; книжники и фарисеи; взявший меч да от меча и погибнет; кость от кости и плоть от плоти; имя им – легион; козел отпущения; по образу и подобию; в поте лица своего; иерихонская труба; отряхнуть прах от своих ног; почитать от дел; колосс на глиняных ногах; невзирая на лица; нищие духом; не сотвори себе кумира; Фома неверующий; беречь как зеницу ока; упасть на достойную почву;*

© Бушев А. Б., 2014

притча во языцех; тайное стало явным; никто не пророк в своем отечестве; верблюду пролезть в игольное ушко; посыпать пеплом главу; Ноев ковчег; всемирный потоп; семь пар чистых, семь пар нечистых; отделить овнов от козли; от лукавого; око за око и зуб за зуб; ничтоже сумняшеся; власть предержавшая; райские кушчи; изгнать из рая; змей-искуситель; на йоту; святая святых; скрежет зубовный; не от мира сего; оливковая ветвь; кто посеет ветер, пожнет бурю; запретный плод; бросать слова на ветер; кесарю кесарево; не убий; не ведают что творят; не судите не судимы будете; блудница вавилонская; мерзость запустения.

Необходимо понимать, что для агностика Библия есть то же, что и для верующего человека. Следует говорить о том, что это и есть книга книг. Тексты Библии воспринимаются в образовании как кладезь поздней античности, основание европейской культуры. И язык это четко показывает. Посмотрим на библеизмы в современном языке как особый рефлекс в языке и особый стилистический прием воздействующей речи: язык четко показывает духовные сокровища, сокровища мысли, заключенные в Библии.

2. В музыке христианская тема заставляет нас, например, обратиться к христианской культуре Западной Европы. «Страсти по Матфею» Баха, «Магнатикат» Вивальди, «Реквиемы» Моцарта, Верди, «Стабат матер» Перголези, Дворжака, Россини, «Мизерере» Аллегри... С эпохи Возрождения европейской музыки свойственны духовные сочинения. Некоторые из них канонизированы церковью и включены в богослужения, другие являются выразителями философской христианской мысли в музыке.

3. А посмотрим, как живут притчи - о сеятеле, о плевелах, о горчичном зерне, о семени, о талантах, о блудном сыне, о богатстве, о кресте, о смоковнице и т. д. – находят отражение в сюжетах мировой живописи. Бегство в Египет, призвание апостола Матфея, распятие апостола Павла, обращение Павла, усекновение головы Иоанна Крестителя, успение Марии, Лот с дочерьми, отдых на пути в Египет, святое семейство, омовение ног, освобождение апостола Петра из темницы, избивание младенцев, возвращение блудного сына, Моисей, иссекающий воду из скал, имя Иисуса во славе, пир Ирода, Пир Авессалома, оплакивание Христа, рождество, кающаяся Мария Магдалина, обручение святой Екатерины, Бичевание святого Иеронима ангелами, снятие с креста, поклонение пастухов, посещение Богоматери родителями Иоанна Крестителя, коронование терновым венцом, суд Соломона, Христос в Эммаусе, милосердный самаритянин, Христос и грешница, Лот, покидающий Содом, три креста, обрезание Христа, Христос перед народом, отречение апостола Павла, Христос у Марфы и Марии, шествие на Голгофу, принесение во храм, св. Иероним, явление ангела св. Иосифу, положение во гроб, жертвоприношение Авраама, Моисей, разбивающий скрижали, сотворение мира, сошествие Святого Духа, Троица, изгнание из рая, ад, принесение во храм, моление о чаше, исцеление бесноватого, страшный суд, Иаков и Исав, предательство иуды, поцелуй иуды, Брак в Канне, Сон Иосифа, обручение Святой Екатерины, Иоанн Креститель в пустыне, успение Марии, страсти Христовы, Христос перед Анной, Второе отречение Петра, Христос перед Пилатом, ночное благочестие пастухам, введение во храм, встреча Иоакима и Анны, рождество Марии, казнь святого Георгия, св. Варвара, встреча царя Соломона и царицы Савской, история Иосифа, евангелист Лука, Вознесение Марии, мученичество святого Лаврентия, святой Себастьян, грехопадение, Иоанн Богослов, Юдифь.

Вспомним эти картины. Рембрандт «Жертвоприношения Авраама», Юлиус Карольсфельд «Жезл Аарона», Мазаччо «Изгнание из рая», Иероним Босх «Страшный суд», А. Дюрер «Адам и Ева», Гюстав Доре «Явление ангелов Аврааму», Дж. Бассано «Легенда о самарянине», Питер Брейгель «Вавилонская башня», Джотто «Вознесение», Микеланджело «Сташный суд», Леонардо «Тайная вечеря», Рублев «Вознесение», «Воскресение», «Сошествие в ад», Дионисий «Уверение Фомы», Василий Поленов «И возвратился в Галею в силе духа», Рафаэль «Исаия», А. Лосенко «Чудесный улов рыбы», Рафаэль «Видение пророка Иезекииля», Давид «Микеланджело», Николай Загорский «Давид играет на гуслях перед Саулом», Гюстав Доре «Давид и Голиаф», Рембрандт «Валтасаров пир», Юлиус Карольсфельд «Авраам и Господь... сосчитай звезды... столько будет у тебя потомков», Гюстав Доре «Моисей со скрижалями завета», Эль Греко «Пятидесятница», Караваджо «Жертвоприношение Исаака», Вильям Блейк «Лестница Иакова», Клод Лоррен «Борьба Иакова с Богом», Алонсо Кано «Видение Небесного Иерусалима святому Иоанну Евангелисту», Эль Греко «Срывание одежд с Христа», Караваджо «Обращение Савла», «Снятие с креста» Рубенса, «Христос в Эммаусе» Рембрандта, «Христос у Марфы и Марии» Яна Вермера Дельфтского, «Поклонение волхвов» Боттичелли, «Благовещение» Леонардо и «Благовещенье» Россети, «Оплакивание Христа», «Свадебное шествие Иосифа и Марии», «Встреча Марии и Елизаветы» Джотто, «Пророк Иеремия» Донателло, фрески ...

В русской живописи – А. А. Иванов, В. Г. Перов, Н. Н. Ге, И. Н. Крамской, И. Е. Репин, А. И. Корзухин, В. Д. Поленов, Г. И. Семирадский, В. М. Васнецов, М. В. Нестеров, М. А. Врубель. Показательны сами сюжеты – «Перед исповедью», «Богомолье», «Крестный ход», «Милостыня».

4. Давайте в этой связи вспомним и иконопись. Альбом «Русская икона» [3] посвящен новгородской, псковской, московской и тверской иконе. Закономерен интерес современников к древнерусскому искусству, к Рублеву, опередившему Рафаэля. Вдумаемся: от тверской истории XIII-XV веков по сути остались лишь несколько кусков дерева – древние иконы, позволяющие судить об уровне тверского княжества. Закономерен интерес к ним в эпоху раздумий над судьбой Византии и русско-византийскими связями. Русская икона была призвана отразить небесный мир средневековой Руси. С XI века известных византийских специалистов приглашали в Киев, но вскоре их ученики смогли работать самостоятельно. Память об этом жива в Киеве, в Новгороде, в Рязани. Время, за редким исключением, не сохранило имен живописцев до XVII столетия. Альбом «Русская икона» открывает статья о

новгородских иконах XII–XVII столетий. Нам известна история господина Великого Новгорода, в период децентрализации русских земель занимавшего территорию от Урала до Балтики, торговавшего с Данией, Швецией, ганзейскими городами, оставившего нам памятники высокой культуры. Читателю найдет репродукцию иконы «Святой Георгий» из Юрьева монастыря (коллекция Третьяковской галереи), Спаса Нерукотворного, Знаменской Богоматери, помогавшей новгородцам выстоять при осаде города Андреем Боголюбским в эпоху междоусобных войн. Со страниц смотрит на нас святитель Николай XIV века из собрания Новгородского музея. Можно думать, что эта часть разбудит желание поехать в древний Новгород, побывать в Юрьевом монастыре и в новгородском Детинце, поклониться Святой Софии, увидеть Ильмень озеро, древний вал, Ярославово дворище, воочию представить новгородское вече. Вторую половину XIV века характеризует расцвет новгородской культуры. Представлены фрески и иконы их церкви Федора Стратилата-на Ручью, работа Феофана Грека в церкви Спаса-на-Ильине. «Битва новгородцев с суздальцами» – один из сюжетов новгородского наследия, одна из вершин новгородского искусства. Интересно переосмысление византийских канонов новгородцами.: радость и строгость новгородских икон подчеркивает свободолюбие духа древнего Новгорода. Псковская художественная культура несет отпечаток того, что город псковитян не подвергался монголо-татарскому нашествию. Мало сохранилось псковских икон XIII и XIV столетия. Классический тип псковской иконы формируется в псковских монастырях в XV веке. Классические иконы относятся к началу XVI века. Коллекция Третьяковской галереи экспонирует псковскую Одигитрию – Путеводительницу конца XIII – начала XIV века. Знаменательны признаки псковской иконы – оригинальное переосмысление иконографических сюжетов. Лица, озаренные светом веры, игра уникальной палитры красок, подчеркивают высокие духовные откровения этих икон. Вершиной признаются иконы XV столетия из церкви святой Варвары. Московские иконы XIV-XVII столетий... Они замечательны с эпохи перевода сюда кафедры митрополита из Владимира, с эпохи Дмитрия Донского, с эпохи «Третьего Рима». Политический рост Москвы сопровождался расцветом ее искусства. Христос Ярое Око, Христос поясной из Успенского собора Московского Кремля, Донская икона Божьей матери, иконы деисусного ряда Благовещенского собора Московского Кремля. Поначалу пишут ученики греков – Феофан Грек, создававший росписи церквей в самом Царьграде, в крымской Кафе, открывший России византийское искусство – живописное, яркое, демонстрирующее цельную художественность. В творчестве московских мастеров XIV- XV века переплелись византийские традиции и черты местного искусства. На весь мир известны фрески Успенского собора во Владимире, выполненные Андреем Рублевым в содружестве с Даниилом Черным, его же Ветхозаветная Троица для Троице-Сергиевой лавры, фрески и иконы Успенского собора в Звенигороде... Эти лики невозможно забыть – внимательные глаза, прямые брови, веки, спокойные некрупные черты лица – Христос милостив, он слушает и дает надежду. Недаром говорят: иконы Рублевского чина – слово о самоотверженной любви русского человека. Представлены списки Владимирских икон, Икон Успенского собора, Пешношского монастыря под Дмитровом. Альбом позволяет проследить жизненный путь еще одного из величайших мастеров древнего письма – Дионисия, создателя знаменитых шедевров Ферапонтова монастыря. Новые принципы в московскую иконопись привносятся Симоном Ушаковым. Его Троица, Спас Нерукотворный ориентированы уже на маньеризм, на барокко.

5. В этой связи разговор должен вестись и о церковно-славянском языковом прошлом Русской культуры. Значим труд изучения церковно-славянского языка. языка. Ибо что такое писатель или поэт?! Это, прежде всего, язык. Язык древнерусской литературы, язык житийной литературы – этой своеобразной серии ЖЗЛ дореволюционной России, язык протопопа Аввакума, Курбского, Державина, языкотворчество Хлебникова, Хармса, Пригова. Без церковно-славянского языка нам будет недоступна и литература XVIII-XIX века. Державинская ода «Бог», пушкинский «Пророк», Толстой, Достоевский, Кулприн, Шмелев, Тютчев, Ахматова- поэт русского православия, Хомяков, Г. Иванов, Ходасевич. Без церковно-славянского языка непонятны прекрасные труды деятелей русской культуры – Аверинцева, Лосева, Лихачева, Н. И. Толстого. И отсюда наш интерес к языку.

6. Показателен интерес к церковной литургике и гомилетике. Так, например, христианские службы года, службы церковного круга, словно бы рисующие наново жизнь Христа – от Успения Богородицы до Рождества Христова и Пасхи, заставляют философствовать на темы жизни земной и небесной.

Или возьмем эстетический компонент службы. В году 400-летия правления династии Романовых в собор начала прошлого века в стиле модерн, что возле нашего дома, была привезена Феодоровская икона Божьей матери. Глаз не оторвать, красивый темный лик, золоченые ризы, икона двухсторонняя – когда несли, то на обратной стороне виден был прекрасный образ святой Великомученицы Параскевы. Как я прочитал позже, образ, связанный с супругой Александра Невского. Икона Феодоровская же – из костромского собора, та самая, которой был благословлен на царство Михаил Романов. Помню, смотрел хронику, как семья последнего императора поехала на колеснице к этой иконе в год трехсотлетия Дома Романовых. Сюжет, выводящий к острейшей социально-философской проблематике и философии истории, философии власти!

К христианским первоосновам выводят службы Страстной недели – воспоминания о Тайной вечере, вынос плащаницы, снятие с креста. Свечи в руках. Цветы, прекрасный хор. Долгое чтение Евангелий. Людно, исповедь, подготовка к причащению. Много духовенства. Все готовится к кульминации. Ведь Пасха – это не просто покрасить яйца, купить «кекс праздничный» и обратиться на родных могилах.

7. Значимо желание неофитов знакомиться с пастырской проповедью. Поучения святых отцов представляют острейшие темы антропософии! Иоанн Кронштадтский – это и проповедь, и исповедь, и молитва, и миссионерство, и мудрость старчества. Иоанн Кронштадтский - это и черная сотня, и отрицание Толстого.

Вот его слова:

Нужно любить всякого человека и в грехе его и в позоре его. Не нужно смешивать человека — этот образ Божий — со злом, которое в нём.

Ты ненавидишь врага — ты глуп... люби врага — и ты будешь премудр.

Надо помнить, что в том и христианская вера состоит, чтобы любить врагов.

Смотри на всякого человека, домашний он или чужой, как на всегдашнюю новость в мире Божиим, как на величайшее чудо Божией премудрости и благодати, и привычка твоя к нему да не послужит для тебя поводом к пренебрежению его. Почитай и люби его, как себя, постоянно, неизменно.

8. В современном русском языке можно проследить сохранение связи с церковно-славянским языком, в котором сохраняются «корни, связующие нас с Богом». В. А. Маслова приводит следующие этимологические трактовки: *соревнование* – это не современное состязание, а совокупность духовных усилий, ревность ко Христу, *убогий* – это не ущербный, а от быть у Бога. *Послушание* – услышать слова Христа и исполнить их, *чудо* от чути, т.е. слышать, *успеть и успех* – слова родственные, происходящие от «успеть спастись», *судьба* тесно связана с судом Божиим, *человек* – словек - Слово, , *славяне*- награжденные особым даром слова, *безобразие* – утрата, потеря образа Бога, *святой* – несущий свет, *Русь* - русский, светлый..

Величественны слова молитв, псалмов. Красив и таинственен язык священного Писания:

Благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших! = Пусть будет хорош твой ребенок, потому что он спасет нас.

Оценим, как исчезает волшебное обаяние слов в переводе, исчезает особое благозвучие.

9. Церковная культура - это и связь с историей края, города. Вспомнились престолы Николая в Замоскворечье –св. Николы в Толмачах, св. Николы в Листах, в Пыжах. Церкви, имеющие свое лицо. Рядом – Троицы в Вишняках, св. Климента и, конечно же, Б. М. Всех Скорбящих Радости. Восстанавливается всё, вняли гласу разума. Недаром известный москвовед Л. Колодный писал, что со сломанными Николаями центра Москвы Москва - не Москва.

10. Феномен современной православной поэзии в культуре нов. Понятно явление основных смыслов современной православной поэзии в их связи с мощной православной поэзией, существовавшей в русской культуре до эпохи богоборчества.

Развитие поэтического языка сегодня, темы христианской лирики сегодня продемонстрируем на примере стихов поэта, привнесший христианские темы, темы мировой христианской культуры в современную русскую поэзию – О. Николаевой. Согласимся, что аллюзивность ее стихотворений далека от аллюзий, например, поэтессы Ларисы Рубальской.

*Я одним глазком заглядывала в Бейрут,
и одной ногой зашагивала в Багдад,
и в Дамаск запускала руку, и был обут
в сапожищи Ливанских гор и багров закат...
А глаза закрою — он ярче горит сто крат.*

*Я входила в Ерусалим под его звезду,
Целовала в белые камни, в старческий лоб
и в маслины, скукоженные в Гефсиманском саду,
в бугенвиль кровавый его, в острый иссоп.
До сих пор мои губы чувствуют жар, озноб.*

*В Иудейской пустыне монах мне давал лукум
и поил из греческой фляги водой, аскет,
и крестом осенял, чтоб меня не свалил самум,
и чтобы сель миновал, и чтоб бес потерял мой след.
И хранит меня этот крест, как Фаворский свет.*

*...Чем воздам Промыслителю, Создателю бездн и гор
за Афины и Фермопилы, за жест, за взгляд,
за Чермное море, за Патмос и за Босфор,
и за Солунь, и за Киркиру, и за Царь-град?
И любое имя слаще, чем виноград.*

*Да хотя бы за то, что, на лоб нацепив плюмаж,
водопад отодвинув локтем, щурясь на свет,
я учила индейцев нашему «Отче наш»,*

*а они «Pater noster» учили меня в ответ.
И водил по сердцу отточенный карандаш.*

*И пока корабли мои качаются на волнах
между Сциллой и Харибдой, мул ждет у горы Фавор,
и спускается облако, всю ночь стоит в головах,
ветер с моря прочь из души выдувает сор, —
ни один мне не страшен враг,
не опасен вор.*

*И когда я совсем уйду, — как медленный караван,
вслед за мной потянутся Дарданеллы, Евфрат, Ермон,
даже Нил безумный — и тот, он стар, он пьян,
Понт Евксинский, ветра с четырех сторон.
И омоет пятна мои Иордан, упокоит сон.*

*Я полмира с собой унесу. Лишь обрывок, клочок
здесь оставлю: Нью-Йорк, Баскунчак, Дакар,
так — какую-то мелочь. Зыбкий чужой песок.
Остальное возьму, куда ни один Макар...
Бьется в глазу Кура,
Эльба стучит в висок.*

*Все со мною пребудет, что я полюбила, — да!
Разложу пред Господом Сил, Господином лет:
— Посмотри, у меня и Твоя земля, и Твоя вода
сохранили вкус, сохранили запах и цвет.
И готовы к вечному празднику города.*

*И — о чудо! — здесь все мое, и при этом нет
ничего моего!..
Так долгие облака
проплывают, меняя черты, когда преломляют свет:
то горы встают из них, то замки, а то река...
И дети кричат им вдогонку и машут вслед!*

В процитированном стихотворении выделены знаки, нуждающиеся в семантизации, запускающие особенно важную работу по распределению тех сущностей, которые стоят за словом, вызывающие необходимость обращения к справочному материалу, и к самому первоисточнику – тексту Библии. Чего стоит, например, для неопитов ЧЕРМНОЕ МОРЕ- море Красное.

Издательским советом Русской Православной Церкви, Центрально-Черноземным книжным издательством, Ассоциацией «Лермонтовское наследие» подготовлен и издан альманах «День Православной поэзии» [2]. Главным редактором является поэт и работник Министерства культуры А. В. Шацков, председателем редакционной коллегии - А. Д. Дементьев. В альманахе помещены стихотворения более двухсот российских поэтов- классиков (первая часть) и современников (часть вторая).

В обращении Патриарха Алексия Второго, помещенном в предисловии к альманаху, говорится о желании поэтов воспеть красоту Божьего мира, об их желании думать и говорить по-христиански, «сохранить убежденность в превосходстве небесного над земным, которое во все века возгревала великая русская литература».

Творец и Вера, творец и религия - сложные, неоднозначные вопросы.

Вслед за поэтом А. Бобровым многие современные авторы могут сказать о себе в прямом и переносном смысле:

*Удаль – не молодецкую –
В сердце слегка смирю.
Улицею Советскую
выйду к монастырю ...*

В первой части сборника помещена поэтическая классика, уместная в таком тематическом альманахе. Российские поэты размышляют над темой Бога со времен Ломоносова и Тредиаковского. Стоит вспомнить «Рождество» Пастернака, стихи Володина, «Молитву» Ахматовой, библейские ее стихи, «Бог» Державина, «Пророк» Пушкина, лирику Блока. Человеку золотого и серебряного века русской культуры многое было присуще генетически, по праву рождения, например, знание церковных праздников, икон, фресок. «Лучший способ сохранить религиозное чувство, - писала Марина Цветаева – исполнять все обряды, предписываемые церковью». Люди девятнадцатого

века, воцерковленные в силу традиции, получившие соответственное воспитание в семье и обществе, где церковь была неперенным государственным и общественным институтом, видели мир и себя в нем иначе.

Бунинские стихи о Троице, помещенные в сборнике, заставляют вспомнить патриархальную Россию:

*Ты нынче с трудовых засеянных полей
Принес сюда в дары простые
приношения:
Гирлянды молодых березовых ветвей,
Печали тихий вздох, молитву –
и смиренье...*

Даже богоборчество классиков было определенным вызовом своей среде. Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Достоевский, Толстой, Ахматова, Цветаева, Пастернак... Эти имена характеризуют сложные взаимоотношения с религией. Набоков стал атеистом после гибели своего отца. Особенности жизни многих творцов не позволяют считать их христианами в традиционном понимании. Но кающемуся грешнику да прощается.

Одна из тем Серебряного века - Россия в рассеянии - одна из крупнейших трагедий века двадцатого. Об этом - стихи З. Гиппиус, помещенные в сборнике:

*Как Симеону увидеть
Дал Ты, Господь, Мессию,
Дай мне, дай увидеть
Родную мою Россию.*

Связанные аллюзией на праздник Сретенья, стихи эти заставляют вспомнить прекрасные стихи о Сретении И. Бродского.

И вот – часть вторая альманаха «Всякое дыхание да хвалит Господа» – стихи наших современников. Переключка поэтов. Современные поэтические голоса и темы...

Николай Алешкин из Рузы словно бы от их имени пишет «Звучит, взывает слово Божье Над человеческой судьбой».

Ему вторит Олег Алешкин из Рузы – автор следующих строк:

*Горят торжественно лампы,
Чтоб никогда не догореть.
Мне счастья большего не надо,
Как образ Божий лицезреть.*

В мире, почти потерявшем Бога, в стране, долгое время бывшей богоборческой, поэты рассуждают о себе и истории. Ведь действительно нас «щадить не хотел век двадцатый – опричник» (стихи К. Козлова, помещенные в сборнике).

Пафос православной лирики не только созерцательный. Так, А. Русаков молит:

*Молю себе я, Господи, иного –
Возстави душу на Твои дела...*

В стихах современников вновь звучит тема сбережения народа, его развития:

*Мы возродим обители.
Как возродить народ?*

Так вопрошает А. Бобров.

Знание святынь – одна из тем стихотворений современной православной поэзии:

*Смоленской Божьей Матери икона!
Как скорбный лик Твой навеки, в слове передам?
Нас защитив от войск Наполеона,
Со славою вернулась ты во храм.*

Моление о чаше, Евангельские строки – один из эпизодов священного Писания – среди тем лириков:

*Гефсиманский сад, дай мне дорости
До твоих небес.*

«Молитва в Гефсиманском саду» Станислава Бондаренко заставляют вспомнить как евангельские стихи, так и стихи Б. Пастернака.

Монашество - одна из тем современной православной лирики. Вот строки Алексея Витакова (Москва):

*Зарывается ветер в траву-лебеду,
Больно взгляду от сора и праха.
Брошу все. Пусть осудят меня. Я уйду
Высоко- к черноморским монахам.*

В стихотворениях наших современников - фигуры русских святых и князей – Юрий, Иосиф Волоцкий, Даниил, Ольга, Игорь, Владимир, Св. Кирилл, Нил, Серафим Саровский, Сергей Радонежский, герои и мученики Красной России, ставшие святыми, пролившие кровь и отдавшие жизнь за други своя. Стихи «На земле преподобного Сергия», «На поле Куликовом» требуют понимания подвига Сергия Радонежского, воскрешают битву на Куликовом поле. «Путь повторить их страшно, не повторить нельзя».

Многим поэтам свойственно глубокое знание писания и церковной истории - в стихах фигурируют Псалмопевец Давид, волхвы, Канна Галилейская, Содом, Саул и Давид, Лот, хождение по водам, Генисаретское озеро, молитва святого Иоанна Дамаскина...

Скажем, освоение этих строк невозможно без представления мученичества Бориса и Глеба:

*Над часовней Бориса и Глеба
- ключья туч, как растрепанный мех,
И такое тяжелое небо – точно братоубийственный грех.*

Поэтическое освоение мира осваивает темы христианкой обрядности - вынос плащаницы Христа на Страстной, чин погребенья:

*И видят свет у царских врат,
И черный плат, и свечек ряд,
Заплаканные лица –
И вдруг навстречу крестный ход
Выходит с плащаницей, и две березы у ворот
Должны посторониться.*

Стихи посвящены Рождеству, Пасхе, Красной горке, Входу Господа в Иерусалим (сразу заставляют вспомнить «Вербную субботу» Блока), другим праздникам. Так, о Прощеном Воскресенье Б. Ильин (Ногинск) пишет:

*А этот день – с прощеньем
для грешных.
И не прощать сегодня не могу.*

Порою требуется знание церковной лексики. Так у Ахматовой есть строки «...солею молений моих». Не каждый из сегодняшних даже прихожан знает, что такое солея. Или вот слово «синодик» в этих стихах о. Андрея Спиридонова:

*И наш синодик поминальный,
Как список воинских потерь...*

В стихотворениях наших современников так хорошо знакомые нам картины - картины дня сегодняшнего – «Церковь в старом вагоне» Елены Буевич (Черкассы). «На руинах церкви», «Разрушенная церковь» - названия стихов в сборнике заставят читателя перекинуть мостик к каким-то картинам собственной жизни.

Поэты высказывают сожаление о том, что не было религиозного воспитания:

*Надо бы вернуться восвояси,
Надо бы держаться своего.
Только в золотом иконостасе
Я не понимаю ничего.*

Желание участвовать в религиозном возрождении характеризует, среди многих, К. Козлова (Санкт-Петербург):

*Я хочу заложить в создаваемый Храм
Навсегда – хоть один
Аккуратный кирпичик.*

В. Львов (Тверская область) радуется в стихах: «Возрождается вера!».

Ему вторит Ник. Переяслов (Москва):

*Слава Богу, что вновь возродился
Хоть еще один иконостас!
Слава Богу, что к нам возвратился
Дух Святой, опекающий нас.*

Молитва за Россию - вечная тема лириков. Виктор Гаврилин из Солнечногорска пишет:

*Богородица...Осень...
Завесы раздвинь –
из дождей ли, из слез ли во взгляде, -
помолюсь за Россию на вещь синь
И на даль в золоченом окладе.*

Стихи Заболоцкого-позднего вспоминаются при прочтении следующих строк тверского поэта Олега Горлова:

*Мы станем жить, раздаривая людям
Себя. Как этот воздух, этот снег,
Войдя во все мельчайшею частицей,
оставшись миллионами примет,
И нам с людьми вовеки не проститься,
и будем жить всегда, и смерти нет.*

Вообще, поэзия современников полна аллюзий, переключек. «Великая Ектенья» о. Дмитрия Дудко заставляет вспомнить стихотворения В. Набокова.

Творчество Андрея Дементьева (Москва) представлено «Иерусалимскими стихами»:

От российской Голгофы

*Голгофе Господней
Поклонюсь...
И пройду этим скорбным путем.
Все, что было когда-то, вершится сегодня,
Повторяется памятью в сердце моем.*

Порой в языке православной поэзии наличествуют сложные приемы. Вот стихи Елены Зотовой (Тверская область):

*От любви, не ушедшей из мира,
До любви, не оставившей мир,
Путь великий – от Ноева пира
И до Канн Галилейских на пир.*

11. Текстами Библии и церковных служб не ограничиваются формы современного православного дискурса. Своеобразен, например, жанр современных публичных лекций проповедников. При этом риторической задачей является желание обратиться не к пастве, а к широким слоям народа, зачастую нерелигиозного и малоосведомленного в области православия (этос ситуации). Этос диктует пафос и логос. Сам Христос говорил на простом языке и притчами.

Отметим некоторые из концептов такой публичной лекции: *духовник; постриг*, понимаемый как отречение от мира (монашество не должно привлекаться к социальному служению); *смирение; гордыня; послушание; крещение, Иисусова молитва...* Проявляется интерес к особенностям богослужения, поведения в церкви (*земной поклон во время евхаристического таинства; причащение, пост, икона...*). В публичных лекциях могут обсуждаться особенности суточного, недельного и годового круга, праздников (*Пасха, Рождество, Успение и Рождество Богородицы, Воздвижение, Введение во храм, Благовещенье, Преображение, Сретенье, Крещение, Богоявление, Вознесение, Сошествие Святого Духа*), особенности богослужений, таинств.

В публичной лекции отводится место богословским проблемам в их популярном толковании (*канонизация и вредность ее пропаганды, Царь и Антихрист, Канон святоотеческий, Православное понимание жертвы Христа, мученики, благодатный огонь, евангелисты, их мечтательный романтизм...*)

Это и повод описать внутреннее состояние прихожанина и христианина: *смирение, сокрушение, внимание, любовь, покаяние*, понимаемое совсем как не отчет о проделанных грехах, *грех, праведник, заповеди, добродетели*.

Фигурируют *прецедентные имена* И. Брянчанинов, И. Валаамский, Иосиф Исихаст, Нил Сорский, Марк Подвижник преподобный, Кирилл Иерусалимский, Иоанн Кронштадтский, Алексей Хомяков, Варсонофий Оптинский, отец Сергей Булгаков, Феофан...

Отдельными темами представляются *святыни, паломничество, иконопись, иконы, мощи*.

Совсем иным жанром представляется жанр проповеди в стенах храма - свободной речи священнослужителя, связанной с отмечаемыми православными событиями (память святого, праздник иконы, пассия и т.д.) и предписываемым поведением. Здесь проявляет себя гомилетика – искусство проповеди и искусство церковного красноречия. Адресатом проповеди являются пасомые.

12. Показательно возрождение христианского круга праздников. Возьмем Сретенье. Это фигурные сретенские свечи, на которых написано «для дома». И которые, также как и свечи крещенские, зажигают в болезнях. Это, например, прекрасная старинная икона восемнадцатого века – не отвезти глаз. Фигуры «из числа людей, находившихся там постоянно – «святой Симеон и пророчица Анна». Это прекрасные стихи И. Бродского об этом празднике. Фреска Сретенья под куполом. «Ныне отпускаеши, Владыко, по глаголу Твоему с миром»- стройно поет хор. Великолепен тропарь праздника, пропетый трижды. На праздник прихожане сказали мне, что в сретенской стихире Христос говорит, что это «не Вы меня держите, а я держу вас». Были прочитаны из Евангелия от Луки слова об этой библейской сцене. Вся церковь, как всегда в субботу вечером, пропела «Воскресенье Христово видевши..».

Это и великий пост, возможность побывать на великом повечерии с чтением канона Андрея Критского. Люди спрашивают друг друга, когда исповедоваться, когда причаститься, когда родительская, когда подавать постовую записку, когда будет Пассия с акафистом Страстям Господним, когда будет соборование. Специально для Андрея Критского поется: *Андрее честный, не престаи моляся о воспевающих тя*. Это необходимость вспомнить, каковы постовые службы, молитва преп. Ефрема Сирина, стихотворение Пушкина.

13. При изучении молитв обращаем внимание на семантическое поле: *акафист, канон, молитва ко святому, на всякую потребу, правилом ко святому причащению, лития, тропари, символ веры, песнь пресвятой Богородице, тропарь Кресту, молитва о живых и молитва об усопших, помяник, кондак Богородице, стихирь, седален, икос, псалом, кафизмы, паремии, Воскресная песнь по Евангелии*.

От описания старого быта неотъемлемо описание вокабуляра русского православия – средоточия русской культуры, прошедшее сквозь века: *лавра, инок, белое духовенство, собор, келья, колокольня, игумен, послушание, пострижение, ряса, камиллавка, мантия и клобук, дьякон, куколь и перевязь, вериги, ризничий, варево, сочиво, кутья, престольный, храмовый праздник, канунник*. Характерны особенности значений слов в церковном-монастырском обиходе: *утешенье, будильник*, богослужебные предметы: *потир, ковчег, кадило, лампада, оклад, ризы*. Характерны особенности одежды в церкви - *объярь, саккос, панагия, митра, фелонь...*

Предпринимаются попытки разбить лексику православия и воцерковления на отдельные лексико-семантические группы. Отражение лексико-семантических групп в словарях идеографического плана обсуждается лингвистами. В отношении лексики церковного обихода это группы лексики, связанные с описанием храма, поведением в храме, традициями богослужения, одеждами священнослужителей, требами и таинствами и т.д. (*благовест, литургия, алтарь, царские врата, иконостас, евхаристия, святой престол, потир, лжица, кадило, ладан, проповедь, отпуст*). Так, лексико-семантическая группа «одежды священнослужителей» включает следующие предметы: *стихарь, орарь, поручи, епитрахиль, пояс, фелонь, скуфья, наперсный крест, камиллавка, омофор, палица, панагия, митра*. Описываются понятия нематериальной культуры: *ектенья, епитимья*, агнонимы [1].

Это особенно ценно, потому что происходит тогда, когда из эфира практически исчезла высокая лексика, а возвращение религиозно-церковной лексики сопровождается множеством ошибок (**знамЕние, *благословение, *икОнопись, *вероисповедАние, *думать о брЕННОЙ душе* и т.д.). Имеет смысл обратить не только на ударение, но и на значение, а иногда и на происхождение слова: *апокАлиписис, блАговест, вЕрея, духовнИк, нОслушник, дОгмат, зНАмение, Иконопись, просфорА, множественное прОсфоры, панагИя, патриархИя*.

Итак, этот аспект описания индивидуального лексикона демонстрирует как жанровую, так и концептуальную специфику православного дискурса: систему жанров, концептов, лексико-семантические группы вокабуляра. Дескриптивная работа способствует субстанциальному пониманию сущности феномена православного дискурса, адекватной интерпретации его, в том числе в культурологической, дидактической и переводческой деятельности.

14. В последние годы мы в России являемся свидетелями появления особого пласта литературы – «литературы воцерковленных людей». Книги, ее составляющие, разного качества и жанра. Сюда относятся книга юмористических историй критика Майи Кучерской, книги Олеси Николаевой – поэта и жены священника о. В. Вигилянского. В этой традиции работает петербурженка Елена Чижова – лауреат премий, человек, когда-то тесно связанный с церковью. Сюда относится Т. Шевкунов – архимандрит Сретенского монастыря, памятный нам своими книгой и фильмом. Особняком стоит великолепная книга протоиерея Михаила Ардова – человека редкого ума, литературного дара и большой культуры. Можно назвать здесь и примечательные совсем другими, но тоже особыми свойствами книги Александра Сегеня и Виктора Николаева... Можно, на наш взгляд, говорить о тенденции возникновения книг с тематикой русской и христианской идентичности.

Книга Михаила Викторовича Назарова «Миссия русской эмиграции» [3] посвящена сущности русского зарубежья – той миссии, от которой русской эмиграции, по мнению автора, невозможно было уклониться. Михаил Назаров анализирует уникальный опыт русской эмиграции, познавшей суть разных общественных систем – коммунизма, демократии, фашизма.

За последние годы мы являемся свидетелями многих материалов об эмиграции, которые прорываются к читателю в Советском Союзе и новой России. Одним из первых материалов по теме явился изданный в шестидесятые годы роман репатриантки Натальи Ильиной «Возращение», ее мемуары «Дороги и судьбы», изданные в годы перестройки мемуары Александра Вертинского. Вспоминается в этой связи и вернувшаяся в перестройку на родину девятидесятилетняя Ирина Одоевцева, сказавшая о себе «Я вернулась глотнуть славы и умереть». А взять изданные на Родине книги Бориса Зайцева, Марка Алданова, Михаила Осоргина, Владимира Набокова, Гайто Газданова, Георгия Иванова, Нины Берберовой... Столкновения с эмиграцией множественны: это и реабилитированная русская религиозная философия, и патронируемая Солженицыным библиотека воспоминаний представителей эмиграции, и приезд в Россию потомков тех, кто ушел из России и унес ее в своем сердце. Венчает усилия по освоению наследия эмиграции созданная в Москве Библиотека-дом «Русского зарубежья» на Таганке... Тема осмысливается и в перестроечном кинематографе: можно вспомнить семью известных русских эмигрантов Кривошеиных, ставших прообразом семьи в фильме «Восток-Запад». Многочисленны материалы периодической печати о культурном обмене с эмиграцией... Русская диаспора - Россия в рассеянии – продолжает влиять на метрополию. Но, как бы трагичны, интересны и поучительны ни были бы отдельные факты, они – вещи частные. А книга М. В. Назарова ставит своей задачей анализ миссии русской эмиграции.

Автор в книге анализирует отношение Запада к России, проявляющееся в многочисленных стереотипах, обсуждает и некоторые табуированные проблемы. В опыте эмиграции все это представлено как общечеловеческая проблематика.

«Мы не в изгнании, мы – в послании». Вспоминается Иван Бунин со своей знаменитой речью «Миссия русской эмиграции», да и вообще со своими рассказами.

Известен «свет с Востока», озаривший Запад, его плоды, обогатившие мир, – стоит вспомнить внесших свой вклад в западную науку и культуру изобретателя телевидения русского Владимира Зворыкина, и автора высокооктанового бензина Владимира Ипатьева, и изобретателя Игоря Сикорского, и социолога Питирима Сорокина, и нобелевских лауреатов Илью Пригожина и экономиста Василия Леонтьева, деятелей культуры, живописи, музыки... Хотя из книги становится понятным, что не всех русских эмигрантов чужбина принимала охотно.

Но какова миссия эмиграции по отношению к своей стране? По мнению автора, это ведь не только желание сохранить память о России, не только участие в политических переменах в России, но и задача показать «русскую идею» как синтез общечеловеческого опыта.

Давайте вспомним имена мыслителей русской эмиграции, с избытком представленные на страницах книги М. В. Назарова – Антоний Храповицкий, Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Борис Вышеславцев, Василий

Зеньковский, Иван Ильин, Антон Карташев, Леонид Карсавин, Николай Лосский, Георгий Федотов, Сергей Франк, Георгий Флоровский, Лев Шестов, Александр Шмеман.

Первая волна русской эмиграции была элитарной. Вторая – после войны – охватывала все социальные слои. Третья исповедовала космополитические ценности, бежала не сколько от несвободы, а для лучшей жизни. Пятнадцать лет провел на Западе и автор книги, работая в издательстве «Посев» - когда-то символе антисоветизма. Хотя автор и оговаривается, что не его собственный опыт является предметом рассмотрения в этой книге. Родина или свобода – первая дилемма, вставшая перед автором в перипетиях его собственной судьбы. И именно Запад сделает его русским. Свое пребывание на Западе Назаров называет экспедицией по разгадке смысла жизни. Зарубежная Россия, не имевшая своей территории, заставила его задуматься о русских. Он скажет позже про себя : «До эмиграции я был одним из обычных антисоветчиков-нигилистов». Он поймет, что свобода – всего лишь необходимое условие жизни, но не ее содержание: «Свобода, к которой я стремился, оказалась чужой свободой, моя же была мыслима только на родной земле».

Речь идет о национальном самосознании, о котором мы много говорим и которому посвящает свои труды М. Назаров.

Многочисленные герои книги Назарова «Миссия русской эмиграции» - офицеры, ставшие шоферами парижских такси, ждавшие «весеннего похода», но polegшие на кладбище в Сен-Женевьев де Буа, прощально мелькающие именами и званиями с последних страниц «Часового» и «Русской мысли», авторы и сотрудники русских изданий с латинскими буквами адресов, оставившие после себя книжки о смысле России, издававшиеся в тридцатые годы тиражом в триста- пятьсот экземпляров. Герои Галлиполи, Константинополя, Туниса, переселенцы Южной Америки, Югославии. Тернисты дороги эмиграции, горька ее судьба.

Созвездие имен – Иван Бунин, Иван Шмелев, Роман Гуль, Петр Струве, Владимир Набоков, Павел Милюков, Нина Берберова, Владислав Ходасевич, Юрий Терапиано, Ирина Одоевцева, Георгий Адамович, Георгий Иванов, Владислав Ходасевич, Марина Цветаева, Александр Куприн. В эмиграции издается более тысячи периодических изданий - посмотрим на их названия, говорящие сами за себя: «Руль», «Свобода», «Дни», «Воля России», «Призыв», «Новое время», «Русский колокол», «Русский голос», «Грядущая Россия», «Современные записки», «Жар-Птица», «Звено», «Числа», «Версты», «Сполохи», «Встречи», «Путь», «Новый град», «Общее дело». В этой связи вспоминаются и книги книга французского слависта Рене Гера, столько сделавшего для сохранения наследия первой волны русской эмиграции.

Читая труды М. В. Назарова, видишь, что описываемая им среда первой эмиграции неоднородна. Но эти конфликты, противоречия всепоглощающей Летой, временем, историей и судьбой уже почти сведены на нет. Это не наше безразличие. Из книги мы видим, что были в первой эмиграции правые и левые, непримиримые, по-разному видевшие свою ответственность за революцию и будущее России. Были люди, отказывавшие великому князю Н. Н. Романову быть вождем эмиграции и люди, шедшие за ним; а рядом же был князь Кирилл Владимирович со своими претензиями. Были евразийцы и масоны, монархисты и социалисты, сторонники сотрудничества с Антантой и противники, люди признавшие власть большевиков и отказавшиеся сделать это. Трагическая страница русской эмиграции – сотрудничество с власовщиной – тоже отражена в книге.

Значительное место в книге занимает зарубежная церковь и ее раскол. Отрадно, что икона «Курская – Коренная» – Одигитрия русского зарубежья, ушедшая в эмиграцию вместе с войсками - сегодня опять высокочтимая как святыня в Курской области в новой России.

Была непримиримость и были компромиссы с властью. Всех уравнило время. Символ примирения – прах очень противоречивого крайне правого философа Ивана Ильина, возвратившийся в Россию и перезахороненный на кладбище Донского монастыря в Москве.

В церковной истории двадцатого века были обоснованные и надуманные обвинения друг против друга. Историк церкви русского зарубежья Антон Карташев писал так: « История и жизнь призвуют нас к еще одному экзамену , там в России свободной Мать Церковь спросит «Како веруеши?». Кажется, это время настало. О патриархе Тихоне, шедшем в малом на компромиссы с новой властью, Сергей Булгаков писал, что «слова изнемогают и отказываются служить, присутствуя при этом Гефсиманском борении и видя этот Голгофский путь... лишь немногие лица в церкви столь трагичны в своей земной судьбе». Нам сегодня трудно понять, почему полевел или поправел возглавлявший одну из зарубежных православных церквей митрополит Евлогий, хотя книга предоставляет нам массу пищи для размышлений. Их имена принадлежат истории. Впрочем, М. В. Назаров критично относится к акту сотрудничества Московского Патриархата с Русской зарубежной церковью.

Уроки истории двадцатого века – одна из тем автора. Чего стоит монархический призыв к покаянию за Февраль – одна из граней русской историософии двадцатого века. Среди трудов, осмысляющих это, можно назвать и эпопею «Красное колесо» Александра Солженицына.

Сменовеховство, устряловщина , евразийцы., младороссы – грани политических и идейных группировок казалось бы тех дней... А сегодня мы видим , что есть и сегодняшние последователи у евразийцев, с их разочарованием в Западе, с поиском ответов у Николая Данилевского, Константина Леонтьева, Освальда Шпенглера.

Эмигранты получали советские паспорта, прошли испытание патриотизмом и разочаровались в Западе или видели перспективу культурной ассимиляции. Все эти вопросы, поставленные незаурядными судьбами Александра

Куприна, Сергея Прокофьева, Игоря Стравинского, Сергея Рахманинова, Ивана Библибина, Ирины Одоевцевой, Александра Вертинского, иных, в истории уже безымянных изгнанников, предстают перед нами при знакомстве с книгами Михаила Назарова.

В конце уходящего года читателю представлен автобиографический роман «Моя Америка» церковного историка и церковного деятеля Александра Дворкина [2].

Эта книга, жанр которой определен как «автобиографический роман», может быть интересна разными своими гранями. Для кого-то – это лишь авантурные приключения и опыт автора, объехавшего полмира автостопом, кому-то познавательными покажутся страницы, описывающие знакомство автора изнутри с особенностями жизни американцев, кому-то интересны свидетельства о церковной жизни в американской православной семинарии. Кто-то из читателей просто удивится бесшабашности захватывающих приключений, странствий, блужданий, очарований, испытаний и искушений московского хиппи, эмигрирующего в Америку по израильской визе получать образование и возвращающегося на родину пятнадцать лет спустя. Словом, каждый читатель отметит что-то свое. Кто-то подивится самостоятельности человека, недовольного серостью окружавшей его жизни, презящего истинной свободой, ставшего хиппи, протестующим «на Стриту» своим включением в «Систему». Достойны внимания страницы о воцерковлении, принятии православия. Тем более, что дорога в храм на соседней улице пролегла у Дворкина через страны и континенты. Кто-то с интересом прочитает строки о радиостанциях «Голос Америки» и «Свобода», где работал Александр Дворкин. Кому-то будут интересны свидетельства о замечательных людях, встречи с которыми описаны очень ярко.

Интересна биография автора. Будучи московским студентом, он заинтересовался движением хиппи, был изгнан с третьего курса института за убеждения, несовместимые со званием педагога. Работал санитаром, рентгентехником. Двадцати лет отправился в 1978 году в Новый Свет на поиски собственной Америки: маршрутом, знакомым многим эмигрантам – Вена, Рим, Нью-Йорк – прибыл на северо-американский континент. Увидев хиппи, был разочарован в них. Здесь он принимает православие и поступает – после получения степени бакалавра по русской литературе в Нью-Йоркском городском университете – в Свято-Владимирскую академию, становится церковным ученым, затем получает докторскую степень по медиевистике за диссертацию «Иван Грозный как религиозный тип».

Критики пишут, что Александр Леонидович подразумевает под «Америкой» не только географический факт, но и духовную ойкумену, в которую надлежало сперва попасть, потом её «открыть» и, наконец, выбраться, как Алиса из кроличьей норы, вернуться изменившимся в Россию, как Одиссей в Итаку. После перестройки Александр Леонидович возвращается в Россию, становится активным участником антисектантского движения. Известен его монографический труд о новых религиозных движениях, многие из которых он называет тоталитарными сектами. Он удостоен церковных наград на поприще противодействия деструктивному влиянию религиозных сект, является профессором Свято-Тихонова гуманитарного университета, ведет общественную работу, будучи вице-президентом Европейской федерации центров по изучению и информированию о сектантстве. Справедливости ради отметим, впрочем, что пассионарная антисектантская деятельность Дворкина сыскала противоречивые оценки.

Не раз мы видели сюжеты по телевидению про «русский оазис» в Америке – Свято-Владимирскую академию в Нью-Йорке. В ней в восьмидесятые годы автор учился, получил степень магистра богословия. Автор застал еще замечательных представителей православия в Америке. От представителей православия серебряного века его отделяет одно рукопожатие. Достаточно сказать, что Александр Дворкин был на церковной службе у знаменитого отца Георгия Флоровского.

Его духовником был Александр Шмеман – человек, чей голос в советские времена проникал к слушателям запрещенных «голосов» из-за рубежа и обращался к ним со словами проповеди. Ректор Свято-Владимирской духовной академии отец Александр Шмеман оставил нам интересное свидетельство христианской жизни – свои «Дневники». После кончины Александра Шмемана ректором православной академии в Нью-Йорке стал отец Иоанн Мейендорф, знаменитый священник и церковный ученый. Он тоже был духовником Александра Дворкина, и по его настоянию Дворкин выбирал себе церковную науку в виде поприща. Любопытны живые воспоминания Дворкина о них – кто служил по-царски, кто скромно, кто спорил в народным благочестием, кто проповедовал с наместным Евангелием в руках, как вдали от России они жили богослужением...

Оба эти священника получили образование в Париже, закончили знаменитый богословский институт в Париже, были учениками осколка Серебряного века отца Георгия Флоровского, помнили Сергия Булгакова, Николая Бердяева, Карташева, Зеньковского, Лосского, всех великих личностей той парижской эмиграции. Оба оказались в Северной Америке и много сделали для отделения (автокефалии) православной церкви Америки.

В Вашингтоне Александр Дворкин был алтарником в соборе, где служил отец Василий Родзянко, памятный жителям СССР эпохи перестройки, так как беседы с ним шли по Центральном телевидению. Кроме Дворкина, об отце Василии Родзянко пишет Михаил Ардов в остроумной и умной книге своих воспоминаний, о нем пишет и отец Тихон Шевкунов в бестселлере десятых годов XXI века «Несвятые святые».

Шмеман, Мейендорф и Родзянко – представители русской аристократии с немецкими и польскими корнями, прекрасные церковные ораторы, проповедники, миссионеры. Они много сделали для восстановления контактов с Православной церковью на Родине, общались и с экуменистами – сторонниками объединения христианских церквей. Связаны оказались они с и с всемирным молодежным христианским движением, частью которого являлся

Никита Струве. Последний знаком с Тверью, выступал здесь, привез и подарил Твери коллекцию книг издательства IMCA Press.

Достаточно сказать, что после перестройки Родзянко и Мейендорф приезжали в Россию и общались с самыми харизматическими священниками в России – о. Дмитрием Дудко, о. Глебом Якуниным и о. Александром Менем. Александр Мень был убит, о. Дмитрий Дудко помнится нам по баррикадам 1993 года, а Глеб Якунин – по Верховному Совету. О Якунине и Мене есть упоминания в книге «Моя Америка».

Есть в книге многие упоминания и рассказы о представителях первой волны русской эмиграции, об их потомках, сохранивших высокую русскую культуру, в том числе и культуру церковную. На мой взгляд, книга прежде всего интересна этим.

На книгу А. Дворкина дает положительную рецензию отец Дмитрий Смирнов, известный своим даром красноречия. Мы помним, что именно этому священнику было дано право сказать прочувствованную речь при отпевании патриарха Алексия Второго, он – частый участник церковной дискуссии.

Порадуемся за Александра Дворкина, издавшего небанальный поучительный труд, этакую исповедь сына века, продолжающую его книги «Учителя и уроки» и «Афонские рассказы». Порадуемся за читателя, идущего от неверия к вере – он обретает надежное свидетельство. Порадуемся за автора, стремившегося к яркости жизни, обретающего ее после своих скитаний по странам и континентам в современной Москве, автора, чей талант нужен русской православной церкви. А читателю еще раз порекомендуем небесполезную книгу, представившую чужой путь от ошибок к правде.

15. На современном этапе в связи с православием и национализмом стоит отметить следующее. В средствах массовой информации ведется в той или иной мере дискурс, связанный с пониманием национальной идентичности. Интересно посмотреть на его крайние формы.

Бывший лидер Движения против нелегальной миграции (ДПНИ) Александр Белов вчера был приговорен к полутора годам условно с отсрочкой на два года за разжигание межнациональной розни. Дорогомилровский суд Москвы признал, что господин Белов на митинге 4 ноября 2007 года "допустил в речи оскорбительные высказывания в адрес евреев и представителей народностей Закавказья и Средней Азии", а также оскорбил представителей исполнительной власти, сравнив здание правительства РФ со свитком Торы.

Уголовное дело против Александра Белова было возбуждено в ноябре 2008 года по ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»). Прокуратура сочла разжигающим межнациональную рознь выступление господина Белова на митинге 4 ноября 2007 года. Завершая очередной «Русский марш», господин Белов поднялся на трибуну и, как сказано в обвинительном заключении, «допустил оскорбительные высказывания в адрес евреев и представителей народностей Закавказья и Средней Азии, заставлял аудиторию скандировать антиправительственные и антисемитские лозунги; кроме того, оскорбил представителей исполнительной власти, присоединив их в негативном смысле к евреям». Александр Белов действительно произнес речь, в которой прозвучали лозунги «Нация превыше всего!» и «Россия будет белой!». «Вы — настоящая власть,— кричал господин Белов соратникам.— А не те, которые прячутся в этом свитке Торы (в этот момент оратор показал пальцем на здание правительства РФ. — "Ъ")». Слушания по делу продолжались несколько месяцев, несколько раз заседания суда отменялись из-за болезни господина Белова.[...]. Суд признал Александра Белова виновным и приговорил его к полутора годам условно с отсрочкой на два года. Осужденный экс-лидер ДПНИ вышел из зала суда к многочисленным соратникам со словами «Слава Руси! Смерть оккупантам!». Сторона обвинения от комментариев отказалась, а господин Белов назвал приговор «абсурдом». «Получилось, что российский суд действительно признал Белый дом свитком Торы, да еще и решил, что в этом есть антисемитизм», — недоумевал он. Экс-лидер ДПНИ намерен обжаловать приговор.

Из интернет-сми. Показательна радикализация дискурса национальной идентичности. Идентичность и национализм все больше и больше увязывается с православием русских как религией титульной нации. Это представляется опасным для межнационального согласия. В этой связи взгляды социологов и политологов вновь обращаются к концепциям политического национализма и конструктивистскому пониманию нации, представленным в работах В. А. Тишкова.

Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод о значительном присутствии христианских концептов в русском письменном разножанровом дискурсе XXI века, что актуально как для понимания этого дискурса, так и для преподавания в средней и высшей школе.

ЛИТЕРАТУРА

Бугаева И. В. Язык православной сферы: состояние, тенденции развития. дисс. ... д-ра филол. наук. М.: Институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2010.

Дворкин А. Моя Америка. М.: Изд-во РПЦ, 2013.

Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. М.: Русский путь, 1994.

День Православной поэзии. Ред. А. В. Шацков. Москва-Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2008.

Рудзиевская С. В. Русская икона. М.: ЭКСМО, 2001.